

Предисловие

Вот вам и другая книжка, а лучше сказать, последняя! Не хотелось, крепко не хотелось выдавать и этой. Право, пора знать честь. Я вам скажу, что на хуторе уже начинают смеяться надо мною: «Вот, говорят, одурел старый дед: на старости лет тешится ребяческими игрушками!» И точно, давно пора на покой. Вы, любезные читатели, верно, думаете, что я прикидываюсь только стариком. Куда тут прикидываться, когда во рту совсем зубов нет! Теперь если что мягкое попадется, то буду как-нибудь жевать, а твердое — то ни за что не откушу. Так вот вам опять книжка! Не бранитесь только! Нехорошо браниться на прощанье, особенно с тем, с кем, бог знает, скоро ли увидите. В этой книжке услышите рассказчиков всё почти для вас незнакомых, выключая только разве Фомы Григорьевича. А того горохового панича, что рассказывал таким вычурным языком, которого много остряков и из московского народу не могло понять, уже давно нет. После того, как рассорился со всеми, он и не заглядывал к нам. Да, я вам не рассказывал этого случая? Послушайте, тут прекомедия была! Прошлый год, так как-то около лета, да чуть ли не на самый день моего патрона, приехали ко мне в гости (нужно вам сказать, любезные читатели, что земляки мои, дай бог им здоровья, не забывают старика. Уже есть пятидесятый год, как я зачал помнить свои именины. Который же точно мне год, этого ни я, ни старуха моя вам не скажем. Должно быть, близ семидесяти. Диканьский-то поп, отец Харлампий, знал, когда я родился; да жаль, что уже пятьдесят лет, как его нет на свете). Вот приехали ко мне гости: Захар Кирилович Чухопупенко, Степан Иванович Курочка, Тарас Иванович Смачненький, заседатель Харлампий Кирилович Хлоста; приехал еще... вот позабыл, право, имя и фамилию... Осип... Осип... Боже мой, его знает весь Миргород! он еще когда говорит, то всегда щелкнет наперед пальцем и подопрется в боки... Ну, бог с ним! в другое время вспомню. Приехал и знакомый вам панич из Полтавы. Фомы Григорьевича я не считаю: то уже свой человек. Разговорились все (опять нужно вам заметить, что у нас никогда о пустяках не бывает разговора. Я всегда люблю приличные разговоры; чтобы, как говорят, вместе и услаждение и назидательность была), разговорились об том, как нужно солить яблоки. Старуха моя начала было говорить, что нужно наперед хорошенько вымыть яблоки, потом намочить в квасу, а потом уже... «Ничего из этого не будет! — подхватил полтавец, заложивши руку в гороховый кафтан свой и прошедши важным шагом по комнате, — ничего не будет! Прежде всего нужно пересыпать канупером, а потом уже...» Ну, я на вас ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совести, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали канупером? Правда, кладут смородинный лист, нечуй-ветер, трилистник; но чтобы клали канупер... нет, я не слыхивал об этом. Уже, кажется, лучше моей старухи никто не знает про эти дела. Ну, говорите же вы! Нарочно, как доброго человека, отвел я его потихоньку в сторону: «Слушай, Макар Назарович, эй, не смеши народ! Ты человек немаловажный: сам, как говоришь, обедал раз с губернатором за одним столом. Ну, скажешь что-нибудь подобное там, ведь тебя же осмеют все!» Что ж бы, вы думали, он сказал на это? Ничего! плюнул на пол, взял шапку и вышел. Хоть бы простился с кем, хоть бы кивнул кому головою; только слышали мы, как подъехала к воротам тележка с звонком; сел и уехал. И лучше! Не нужно нам таких гостей! Я вам скажу, любезные читатели, что хуже нет ничего на свете, как эта знать. Что его дядя был когда-то комиссаром, так и нос несет вверх. Да будто комиссар такой уже чин, что выше нет его на свете? Слава богу, есть и больше комиссара. Нет, не люблю я этой знати. Вот вам в пример Фома Григорьевич; кажется, и не знатный человек, а посмотреть на него: в лице какая-то важность сияет, даже когда станет нюхать обыкновенный табак, и тогда чувствуешь невольное почтение. В церкви когда запоеет на крылосе — умиление неизобразимое! растаял бы, казалось, весь!.. А тот... ну, бог с ним! он думает, что без его сказок и обойтись нельзя. Вот всё же таки набралась книжка. Я, помнится, обещал вам, что в этой книжке будет и моя сказка. И точно, хотел было

это сделать, но увидел, что для сказки моей нужно, по крайней мере, три таких книжки. Думал было особо напечатать ее, но передумал. Ведь я знаю вас: станете смеяться над стариком. Нет, не хочу! Прощайте! Долго, а может быть, совсем, не увидимся. Да что? ведь вам всё равно, хоть бы и не было совсем меня на свете. Пройдет год, другой — и из вас никто после не вспомнит и не пожалеет о старом пасичнике Рудом Паньке.

В этой книжке есть много слов, не всякому понятных. Здесь они почти все означены:

Башта́н,	место, засеянное арбузами и дынями.
Бу́блик,	круглый крендель, баранчик.
Варе́ну́ха,	вареная водка с пряностями.
Видло́га,	откидная шапка из сукна, пришитая к кобеняку.
Выкрута́сы,	трудные па.
Галу́шки,	клецки.
Гамáн,	род бумажника, где держат огниво, кремь, губку, табак, а иногда и деньги.
Голодная кутя́,	Сочельник.
Го́рлица,	танец
Греча́ник,	хлеб из гречневой муки.
Дивчина́,	девушка.
Дивча́та,	девушки.
Дукáт,	род медали, носимой на шее женщинами.
Жинка́,	жена.
Запа́ска,	род шерстяного передника у женщин.
Каву́н,	арбуз.
Кагане́ц,	светильня, состоящая из разбитого черепка, наполненного салом.
Кану́пер,	травá.
Каца́п,	русский человек с бородою.
Книш́,	спеченный из пшеничной муки хлеб, обыкновенно едомый горячим с маслом.
Кобенья́к,	род суконного плаща с пришитою назади видлогою.
Кожу́х,	тулуп.
Комо́ра,	амбар.
Кора́блик,	старинный головной убор.
Корж́,	сухая лепешка из пшеничной муки, часто с салом.
Куре́нь,	соломенный шалаш.
Ку́хва,	род кадки; похожая на опрокинутую дном кверху бочку.
Ку́холь,	глиняная кружка.
Лева́да,	уса́дьба.
Лю́лька,	трубка.
Нами́тка,	белое покрывало из жидкого полотна, носимое на голове женщинами, с откинутыми назад концами.
Нечу́й-ветер,	травá.
Паляни́ца,	небольшой хлеб, несколько плоский.
Па́рубок,	парень.
Пейси́ки,	жидовские локоны.
Пе́кло,	ад.
Перепо́лох,	испуг. Выливать перепо́лох — лечить испуг.
Петровы́ батогí,	травá.
Пла́хта,	нижняя одежда женщин из шерстяной клетчатой материи.

Пивкопы,	двадцать пять копеек.
Пищик,	пищалка, дудка, небольшая свирель.
Покут,	место под образами.
Полутабёнок,	старинная шелковая материя.
Свитка,	род полукафтання.
Скрыня,	большой сундук.
Смалец,	бараний жир.
Сопилка,	свирель.
Сукня,	старинная одежда женщин из сукна.
Сыровец,	хлебный квас.
Тесная баба,	игра, в которую играют школьники в классе: жмутся тесно на скамье, покамест одна половина не вытеснит другую.
Хлопец,	мальчик.
Хустка,	платок носовой.
Цибуля,	лук.
Черевіки,	башмаки.
Чумаки,	малороссияне, едущие за солью и рыбою, обыкновенно в Крым.
Швец,	сапожник.
Шибеник,	висельник.